

РЕЦЕНЗИИ

Н. Ю. Шведова. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. — М., Изд-во АН СССР, 1960. 377 стр.

Опубликованное исследование Н. Ю. Шведовой «Очерки по синтаксису русской разговорной речи», бесспорно, представляет значительный интерес.

В книге собран огромный материал, сделаны очень ценные наблюдения, которые позволяют лучше понять не только характер «русской разговорной речи», но и вообще особенности функционирования синтаксических единиц в русском языке. С исключительной наглядностью автор показывает, что до сих пор распространенное в научной лингвистической литературе «стремление подогнать предложения особой специфической структуры под традиционную схему несколько не помогают уяснению их природы» (стр. 252).

Неоспоримым достоинством рецензируемой работы является осторожность автора в обращении с материалом, обоснованность тех семантических характеристик, которые даются Н. Ю. Шведовой в исследовании рассматриваемым синтаксическим конструкциям. Не стремясь к введению новой терминологии, автор тщательно и всесторонне определяет те традиционные грамматические термины, которые используются в исследовании. Во «Введении» теоретически обосновывается разграничение «письменной» и «разговорной» речи, определяется специфика синтаксического строя разговорной речи и указываются пути его изучения. Автор, по-видимому, не без основания полагает, что изучение «фразеологизированных и лексически ограниченных построений разговорной речи» должно быть отнесено к синтаксису. Во «Введении» же Н. Ю. Шведова освещает свое понимание «предикативности» и «модальности», а также дает краткую, как бы самую общую характеристику тех фактов

разговорной речи, которые являются предметом дальнейшего подробного анализа.

Для того чтобы не оставалось сомнения в том, что подразумевается в работе под понятием «построение» (или «конструкция»), Н. Ю. Шведова предварительно отмечает, что, разделяя взгляды на «предикативность» как на основу всякого предложения, она будет обозначать термином «построение» или «конструкция» такие синтаксические единицы, как «сказуемые» и «основы предложения» (стр. 14—15). Тем самым между понятиями «конструкция» и «сказуемое» (или — в других случаях — «основа предложения») ставится знак равенства. Поэтому оба термина употребляются в работе как своего рода синонимы. Само по себе подобное отождествление понятий конструкции и сказуемого, даже если и не соглашаться с ним, не может, поскольку оно мотивировано, явиться предметом возражений. Но оно несколько сужает, а в отдельных случаях, как мне кажется, и смещает перспективу исследования. Так, вполне оправданно разграничивая «построения с частицами, участвующими в формировании только предикативно значимых единиц», от «построений с частицами, участвующими в формировании как предикативно значимых, так и не предикативно значимых единиц», и группируя в соответствии с этим материал трех подразделов, автор в числе последних построений рассматривает, естественно, и такие, где частицы не относятся к сказуемому (или «основам предложения») и никак не влияют на их характеристику. Тем самым предметом рассмотрения становятся такие речевые образования, которые автор не относит к «конструкциям» и как бы

заранее исключает из своего исследования. Вместе с тем вне поля зрения исследователя остается ряд таких синтаксических конструкций, чрезвычайно характерных именно для разговорной речи, в которых специальная «модальность» создается сложным взаимоотношением разных членов конструкции, например, построенных по схеме «Им. падеж + союз + личная форма глагола»: «—...Как не знать этого? Доктор, а не знает таких пустяков» (Чехов, Палата № 6); «Вовсе тут нет никаких насмешек! Генерал, а не может понять!» (Чехов, Смерть чиновника); «— Граждане, а деретесь,— упавшим голосом возразил околоточный» (Л. Андреев, Иван Иванович); «—...Кажется, интеллигентный человек, а не понимает такой простой вещи» (Куприн, Болото); «— Ка-а-ак, а задаешь такой вопрос...» (Седых, Даурия); «—... Новые машины, а больше стояли, чем работали» (Овечкин, Районные будни); «— Аспирант, а позорите работу поста!» (Николаева, Битва в пути) и т. п.; ср. также: «Генерал, а какие странные понятия о гражданском долге!» (Чехов, Праздничные) и т. п.; «— Садоводы, а бестолочь. Не знаете своего дела» (Бунин, Чаша жизни) и т. п.

Ценным представляется стремление Н. Ю. Шведовой определить и обосновать понимание «модальности», которого она придерживается в исследовании. Правильно отмечая, что термины «модальность» и «экспрессивность» стали в последнее время достаточно «неопределенными и даже туманными», автор разграничивает «объективно-модальные значения», которые «несут в себе характеристику сообщаемого» и «субъективно-модальные значения, заключающие характеристику отношения к сообщаемому» («модально-экспрессивные значения»); при этом среди первых выделяются «обязательные» («общие») и «дополнительные» («частные») значения (стр. 15—17, 363—366). Можно только пожалеть, что указанное разграничение не соотносится с какими-либо формальными признаками и в значительной степени предоставлено непосредственной интуиции.

Если не считать «Введения» и «Заключения», а также небольшой, эскизно написанной главы «Фразеологизированные построения» (стр. 269—279), исследование Н. Ю. Шведовой делится на 4 основных раздела: «Построения, формирующиеся путем разного вида соединений полных значений слов» (стр. 27—96), «Построения, формирующиеся путем соединения знаменательного слова с частицей» (стр. 97—248), «Построения, формирующиеся путем соединения знаменательного слова с междометием» (стр. 249—268), «Строящиеся на основе лексического повторения вторые реплики диалога (реплики-повторы)» (стр. 280—362). Как видно из самих заглавий разделов, в основу классификации положен лексико-морфологический принцип.

Вряд ли можно по этому поводу пред-

явить автору какие-либо претензии, так как огромный и разнородный материал, который анализируется в книге, становится благодаря проведенной классификации не только «обозримым», но и в достаточной степени систематизированным. Однако следует заметить все же, что предложенная классификация не всегда способствует выявлению внутренней структуры рассматриваемых образований. Это можно видеть хотя бы на таком примере. В русском языке (в его разговорной разновидности) очень распространено использование вопросительных по форме конструкций для выражения экспрессивного отрицания. Наиболее ярко это иллюстрируется соответствующим применением конструкций с вопросительными местоимениями и наречиями. Предложения, оформленные при помощи этих слов, могут выступать как экспрессивные эквиваленты отрицательных предложений. Смещение собственного значения у местоимений и наречий в соответствующих конструкциях приближает их по функции к частицам. В книге Н. Ю. Шведовой отдельные конструкции этого типа оказываются в разных местах. Во-первых, они распределяются по различным «частицам», которые участвуют в их формировании (*куда, как, где, что*), во-вторых, включаются в раздел, посвященный «фразеологизированным построениям» (*Какая там ловля!*), в-третьих, входят в раздел о «репликах-повторах», где опять рассматриваются в связи с отдельными «частицами» (*какое, куда, где* и т. д.).

Между тем несомненны общие черты как оформления, так и семантики всех этих построений. Кроме того, между разными их видами намечается как бы определенная градация, которая, естественно, не находит отражения в исследовании, поскольку конструирующие данные построения слова не всегда могут быть причислены к «частицам». Нельзя отрицать внутренней связи между такими предложениями с «частицей *что*», как «*Что твое жалование! Не надо его совсем...*», «*Что нам природа: леса, горы, луна? Ведь мы не дикие, мы люди цивилизованные*» и т. п., рассматриваемыми на стр. 154—155, и такими, как «—*Что ему делается! Живет да поживает*» (Салтыков-Щедрин, Господа Головлевы);... «презирать его — грешно.— Да *кто* его презирает? — возразил Базаров» (Тургенев, Отцы и дети); «[Борис]... А коли у вас, так пусть сидит: *кому* его нужно. Дома-то рады-радехоньки, что ушел» (Островский, Гроза) и подобными, где конструирующим элементом выступают именно местоимения, а не местоимения, перешедшие в «частицы».

Характерно, что, рассмотрев конструкции с частицей и *то* («Раз в жизни представился случай,— волновался он,— и *то* помешали» и под.), Н. Ю. Шведова вынуждена отметить в сноске (на стр. 214): «Ср. равнозначные построения с *и том* (*и та, и те* и т. д.)». По-видимому, то,

тор неукоснительно исходит из «частиц», не всегда дает возможность наилучшим образом представить динамику соответствующих конструкций и их внутреннюю связь с другими, в той или иной мере «равнозначными» конструкциями.

Во всех разделах не только приводится интересный материал, но и делаются важные выводы, имеющие общее значение. Так, анализируя конструкции, образованные соединением знаменательного слова с междометием, автор убедительно опровергает традиционное представление о междометиях как о таких словах, которые «не связываются с другими словами в предложениях».

В самом большом по объему разделе, посвященном построениям с частицами, содержатся наблюдения, существенные как для характеристики отдельных частиц, так и для понимания природы частиц вообще и их роли в формировании предложения. Н. Ю. Шведова отмечает, что при попытках определить собственное лексическое значение частиц «частице обычно приписывалось значение, свойственное не ей самой как слову, а той конструкции, в составе которой это слово функционирует» (стр. 98). Показывая несостоятельность подобных определений значения частиц, Н. Ю. Шведова подчеркивает, что «зятые изолированно, вне определенного типа конструкции, частицы лишены лексических значений» (стр. 97). С этой точкой зрения можно было бы согласиться, если бы речь шла только о непрозвонных, «первообразных» частицах. Однако в последнее время в словарях и специальных работах (в том числе и в рецензируемом исследовании) к частицам относится значительное количество так называемых «производных» частиц, т. е. слов, принадлежащих к различным классам (частям речи) и приобретающих в определенных условиях функции частиц. Здесь не всегда, как кажется, можно говорить о полном семантическом отрыве «частицы» от исходной формы. Во всяком случае, многочисленные случаи относительно самостоятельного употребления «производных частиц» (*Давай! Ты смотри! Куда там! Какое!* и т. п.) ограничивают эти формы от частиц в полном смысле слова, а при причислении их к частицам — не позволяют столь категорично говорить об отсутствии у последних лексического значения.

Можно заметить, что в отдельных случаях пристрастный интерес к частицам заставляет автора давать несколько однообразные характеристики конструкциям, в которых эти частицы выступают. Так, например, описывая конструкции с частицей *да* типа. *Ты да не поймешь? К другу да не войти!* и т. п., автор указывает, что здесь между сопоставляемыми словами обычно бывает пауза, и отмечает далее: «эта пауза усиливается и подчеркивается тогда, когда за *да* следует *чтоб*, расчленяющее всю структуру на две части (ср.: *С его умом да не понять?* и *С его умом да чтоб не понять?*)» (стр. 176). Сами по себе эти наблюдения не вызывают

возражений. Но вне поля зрения исследователя остается конструктивная роль самого союза *чтобы* (*чтоб*), с помощью которого образуются характерные для разговорной речи экспрессивно-оценочные предложения, причем *да* может в таких случаях начинать собой вторую часть предложения: *Чтобы ты да не понял!*; «[Квашня] *Чтобы* я, — говорю, — свободная женщина, сама себе хозяйка, да кому-нибудь в паспорт вписалась, чтобы я себя мужчине в крепость отдала — нет!» (М. Горький, *На дне*); «Думаю про себя: *Чтобы* я, русский солдат, да стал пить за победу немецкого оружия?! А кое-чего ты не хочешь, герр комендант?» (Шолохов, *Судьба человека*); ср.: «— Чудное дело! Каждого последнего писаря знаешь, а *чтоб* Посудина не знать!» (Чехов, *Шило в мешке*); «[Глумов]... Мы в Москве любим поговорить. И *чтоб* в этой обширной говорильне я не имел успеха! *Не может быть*» (Островский, *На всякого мудреца довольно простоты*); «[Аркадина] *Чтобы* я позволила себе выйти из дому, хотя бы вот в сад, в блузе или непричесанной? Никогда» (Чехов, *Чайка*) и др. под. Рассматривая конструкции с *тоже*, объединяемые «общим значением отрицательного отношения» (стр. 172), автор приводит среди других «глагольно-именные предложения с глаголом называния или выявления, обнаружения, в том числе с глагольной формой называется: «Полторы нормы дал, а предлужник истерял! *Тоже* — *передвик называется!*» (стр. 173). От внимания автора, сосредоточенного на выявлении роли частицы, ускользает то любопытное обстоятельство, что форма *называется* сама выступает своеобразным модально-оценочным словом, причем и в сочетании с другими частицами, и без них — и не только при именах в единственном числе, но и во множественном, а также при глаголе; ср.: «—... Ну, чего вы ревете-то среди улицы, а еще генерал *называется*, военный человек, ну, пойдемте!» (Достоевский, *Идиот*); «— *Инженер называется*... *Посреди ночи водку пить*... Придет же в голову» (Некрасов, *В окопах Сталинграда*); «— *Начальники, называется*...» (там же); «— *Хоть бы пару кирок на батальон дали. А то лопаты называется*. Масло ими резать» (там же); «*Ну вот, приехали, называется!* Парься в этом клоповнике всю ночь...» (Н. Островский, *Рожденные бурей*); «В курятнике переполох, зоотехник плачет, трактористы разбежались! *Организовал, называется!*» (Николаева, *Битва в пути*) и т. п. На стр. 202 частице *еще* приписывается несвойственная ей роль в формировании предложений со значением угрозы, в которых главный член выражен формой повелительного наклонения. Нетрудно заметить, что конструкции типа *Покричи еще у меня!* никак не обязаны своим значением присутствию частицы *еще*. Формы повелительного наклонения (обычно совершенного вида) способны выражать угрозу или резкое предостережение, причем говорящий предостерегает как раз от совершения того действия, к которому он внешне как бы

побуждает собеседника. Императивы в подобных предложениях могут выступать «самостоятельно» [«Застрело! *Коснись этой женщины!*» (А. Толстой, Хожение по мукам), но чаще поддерживаются словами *пу-ка*, *еще* (главным образом императивы от глаголов с приставкой *по-*, имеющих «детерминативное» значение), *у меня*, *мне*, *только*, *попробуй(те)* и т. п. Как показывает материал, нельзя утверждать относительно подобных императивов, что «обычно это глагол речи». Четких лексических ограничений здесь нет; ср.: «—Только вот троньте! — яростно захрипел он» (Гончаров, Обломов); «Василий погрозил нагайкой: — Пошуми-ка!» (А. Толстой, Петр Первый); «— Ударь еще, попробуй... Я тебя так по башке съезжу!» (Седых, Даурия); «— Только подступись, разможжу себе голову о камни! — вскричал он» (Помяловский, Очерки бурсы) и т. д. Формами несовершенного вида чаще выражаются различные оттенки иронического побуждения, за которым может скрываться возражение, осуждение действия как бесполезного, недоверие и т. д. Следует подчеркнуть, что и эти оттенки не связаны именно с частицей *еще*: ср.: *Рассказывай тут! Спорь больше! Ври больше! Ври, ври! Смейтесь, смейтесь!* и т. п.¹ Не совсем удачным представляется самое распределение частиц по генетическому признаку («построения с глагольными частицами», с «наречными», с «местоименными», с «союзными» и с частицами, не соотносительными с другими классами слов). Конструкции, например, со словами *най* и *най себе* оказываются в связи с этим в одном разделе, а конструкции со словом *себе* — в другом и т. д. Если частицы *най*, *глядь* и др. отнесены к глагольным, то почему бы такие, как *благо*, *добро бы*, *даром что* и под. не могли быть расценены как «именные» или «наречные»? Тем более, что в ряде случаев соотносительность соответствующих «частиц», например с именами, становится вполне ощутимой; ср.: [«Аграфана Платоновна!... А вы послушайте-ка меня, глупую, давайте-ка я примусь сватать вам жениха; *благо*, здесь сторона купеческая. [Иван Ксенофонтыч] Какое же это *благо*? В чем тут *благо*? Кроме невежества, я ничего не вижу» (Островский, В чужом пиру похмелье). Между тем, все эти «частицы» отнесены Н. Ю. Шведовой к «союзным». Таким образом, «генетический» принцип оказывается и не вполне выдержанным.

Существеннее, однако, отметить другое. Нужно признать, что после исследования Н. Ю. Шведовой становится гораздо более понятной структура целого ряда построений, оформленных при помощи частиц. Не только школьный «разбор предложения», но и научный синтаксис обычно игнорировал подобные построения или же, что еще хуже, навязывал им искусственные и чужеродные определения. Н. Ю. Шведова наглядно и убедительно

показывает, что «во многих случаях частица и соединяющиеся с ней формы знаменательных слов образуют особую структуру — синтаксически неразложимое единство» (стр. 101). В подобных построениях частица имеет структурное значение, создавая конструкции особого типа. Так, например, предложения типа *Вот танцует! Вот так распоряжения! Вот тебе и праздник! Ну и жизнь! Уж и придумал! А еще князь! Тоже мне штурман! Туда же расхрабрился! Куда меня летит!* и т. д. Частица является здесь необходимым элементом формы предложения, — «с изъятием частицы ломается все построение» (стр. 238).

Наблюдения над данными построениями в книге Н. Ю. Шведовой, их детальный и тонкий анализ не могут остаться без последствий при дальнейшей разработке описательного синтаксиса современного русского языка. Эти наблюдения, принадлежащие к числу наиболее значительных и интересных в книге, заставляют по-новому взглянуть на структуру предложения вообще и на качество того, что Н. Ю. Шведова, следуя В. В. Виноградову, называет «предикативностью». Совершенно ясно, что предложения типа *Ну и жизнь!* или *А еще князь!* представляют собой особые синтаксические единицы, строение которых не может расцениваться с точки зрения «традиционных» типов односоставных предложений. Обозрение всех этих конструкций, однако, несколько затруднено в книге тем, что, придерживаясь принятого в разделе принципа распределения материала, «по частицам», автор перемешивал их в основной части текста (они выделены в «Выводах», стр. 238—240) с такими конструкциями, где наличие частицы не является конструктивно обусловленным (*Уж потрудись! Идет себе* и т. п.). Кроме того, ряд аналогичных или близких конструкций рассматривается в разделе «Реплики-повторы», причем, как кажется, последнее деление не является внутренне необходимым, поскольку и как «вторая реплика» диалога, и как часть «монолога» подобные конструкции связаны, так сказать, с ситуационно обусловленными (в широком смысле) словами. Обозначенные этими словами действия, предметы, признаки, обстоятельства даны в их экспрессивной оценке, причем для структуры самого предложения не имеет значения, взяты ли эти слова из предыдущей реплики, упомянуты ли в предшествующем тексте монолога или же являются выражением тех не названных непосредственно перед этим явлений, которые в связи со сложившейся ситуацией подвергаются экспрессивно-иронической оценке. Вообще раздел о «репликах-повторах» не всегда дает достаточно четкое представление о тех структурных особенностях фраз, которые обусловлены именно синтаксическим объединением двух реплик и невозможны вне диалога. Это относится, прежде всего, к большой группе повторов, «строящихся с участием частиц». С другой стороны, в ряде случаев конструкция, рассматриваемая в книге

¹ Подробнее об этом см. ВЯ, 1958, № 6, стр. 69 и сл.

только в связи с «повторами», вполне возможна в диалоге и при иных условиях. Например, когда мы узнаем, что «вызывающий, с оттенком удивления переспрос, всегда противопологающий мысли собеседника другую, противоположную и опровергающую, выражают вторые реплики, строящиеся с участием сложной союзной частицы *a to*: (— *Страшно?* — *А то не страшно?*! — *Не страшно?* — *А то страшно?*)» (стр. 328; ср. стр. 288), — то создается впечатление, будто бы соответствующие конструкции с союзной частицей *a to* ограничены «переспросом» и употребительны только при повторении слов, содержащихся в «первой реплике». Однако это впечатление оказывается ложным, так как вне рассмотрения автором оставлены аналогичные по смыслу и по структуре «вторые реплики», в которых нет никакого лексического повтора и которые не могут поэтому квалифицироваться как «переспрос». Конструкцией со словами *a to* передается тогда просто экспрессивно-ироническое отрицание «первой реплики»: «— Он, должно быть, уж стар, барин? — спросил Месяц. — Ну, *a to* молодой, — подумав ответил Филат» (Сергеев-Ценский, Лерик); «— Это — Саша? — *А то я!* — смешливо кричала кухарка» (М. Горький, В людях); «— Его, товар-то, сгружать уж почали, поди, по себе давно рассовали. — *А то* нас будут ждать!» (Мальшикин, Люди из захолустья); «— Вас редакция назначила? — *А то* с улицы пришел...» (Панова, Сентиментальный роман) и т. п.

Таковы некоторые из наиболее существенных замечаний, которые возникают при чтении рецензируемой книги. Нет смысла касаться отдельных мелких неточностей, которые в ней также можно было бы обнаружить. Строго говоря, их почти и нет в этом тщательно продуманном, основанном на отборе наиболее характерных языковых фактов исследовании. Самая возможность тех или иных незначительных дополнений обусловлена именно предельной точностью и исчерпывающим характером определений, которые в нем содержатся. Н. Ю. Шведова стремится отметить все допустимые варианты каждой конструкции, иногда указывая при этом даже на различные индивидуальные отклонения. Есте-

ственно, что некоторые из второстепенных деталей при этом остаются ею незамеченными. Например, характеризуя построения со сложной частицей *нет-нет* (*да и*), автор отмечает, что «глагол в составе такого построения имеет обычно форму будущего простого..., реже — форму прошедшего времени или повелительного наклонения и совсем редко — форму настоящего времени» (стр. 135). В составе данных построений встречаются, однако, и другие глагольные и даже именные формы: «Всякий начальник у нас считает высшей обязанностью *нет-нет да и представить* какой-нибудь проект...» (Герцен, Былое и думы); «Гармонь пригlohла, *нет-нет шумно вздыхая*, точно задремавшая телушка» (Федин, Тишина); «И печень начала немного пошалывать. *Нет-нет, да и колотье*» (Боборыкин, Китай-город).

Еще меньше оснований упрекать Н. Ю. Шведову за то, чего нет в ее исследовании. То, что некоторые из конструкций, которые по общему характеру близки к рассмотренным, оказались неотмеченными в книге, свидетельствует скорее о недостаточной изученности синтаксиса русской разговорной речи вообще, чем о недостатках рецензируемого труда. То, что у читающего этот труд появляется самое желание в чем-то дополнить его, красноречиво говорит как раз о значительной полноте описания, о необыкновенной внимательности исследователя, не прошедшего мимо почти ни одного из основных типов предложений с «осложненной» модальностью.

Работа, содержащая столь интересные и значительные наблюдения, несомненно, создает почву для дальнейших изысканий. Естественно, что те или иные положения автора встречаются при этом и с целым рядом возражений, — иногда будучи недостаточно разъясненными в работе или оказавшись недостаточно понятыми читателем. Возможно, именно последнему обстоятельству обязаны некоторые из приведенных выше замечаний. Во всяком случае это — книга, без изучения (и «критического усвоения») которой невозможно дальнейшее научное описание русского синтаксиса.

Д. Н. Шмелев

M. Halle. The sound pattern of Russian. A linguistic and acoustical investigation. — 's-Gravenhage, 1959. 206 стр. («Description and analysis of contemporary standard Russian», 1).

Книга М. Халле представляет несомненный интерес уже потому, что она является результатом многолетнего сотрудничества лингвиста с представителями акустики, математики и других точных наук. Книга состоит из двух частей: «Фонология» и «Акустика». Фонологическая часть посвящена дальнейшему развитию теории дифференциальных признаков, контуры которой были намечены в ряде совместных работ М. Халле, Р. Якобсона и других авторов.

Теория дифференциальных признаков выгодно отличается от некоторых других

теорий структурализма тем, что наполняет низшие функциональные единицы языка — фонемы — конкретным физическим смыслом. Это обуславливает большую практическую ценность теории дифференциальных признаков, так как позволяет использовать ее при разработке устройств для автоматического распознавания звуков речи.

Теория дифференциальных признаков не останавливается на фонеме как некоей неделимой звуковой единице языка, а переходит к разложению фонемы на дифференциальные признаки, т. е. на определяющие ее акустические и артикуляционные свой-